

Персики и сливы соревнуются в красе, да кто же вправе их судить? Но в забытии, в часы досуга, когда вино ждет, чтобы ты пустился в пляс, — в этом дивном краю, под сенью цветов, мы шептались о сокровенном. Беседка у ручья, путь, где снуют экипажи, — я все ждал, что ты поделишь со мной эту песню.

Три жизни ждать твоего возвращения — это лишь глоток старого вина, смывающего печаль. Помнишь тот день, когда все смешалось? Танец, подобный летящему пуху, твои рукава из белого шелка, коснувшиеся моего лица, и миг, когда ты стал подобен ростку бодхи, сидящему рядом со мной. Мы отсекали мирскую суету, чтобы беседовать о бескрайних тростниках.

А ныне я один скитаюсь по свету, и лишь один вопрос терзает сердце: вернешься ли ты?

Я грезил о том, чтобы прожить жизнь вдвоем, но теперь лишь одинокая фигура в черном одеянии застыла под тяжелыми тучами. Высоко, над карнизами, украшенными глазурованными зверями, он возвышался над миром, гордый и холодный. На поясе — неизменный Божественный меч Цыгу, а на рукояти звенит крошечный фиолетовый бубенец. Он смотрел в бескрайнее небо, столь далекое от этой брэнной земли. Ветер ерошил его длинные волосы, которые он лишь недавно начал собирать в узел, — холодные, словно иней.

Глядя на похоронные процессии, на вопли и рыдания людей, он презрительно фыркнул, словно змея, предупреждающая о броске. Он сидел, скрестив ноги, на самой вершине похоронного бюро, и его меч глухо постукивал о древний камень. Его звали Мо Юй, по второму имени — Шанцин. В народе его знали как Господина Защитника Учения. Обретя бессмертие, он жил лишь ради одной цели — охранять и искать Картину Трех Учений.

— Вот и ты... вернулся...

Его шепот растворился в шуме толпы, в криках и плаче. Он выпрямился, позволяя туману, спускающемуся с горных вершин, напитать влагой его черное с золотом одеяние.

Тем временем автобус Сюй Тая въехал на территорию бюро, окруженную черными кипарисами. Здание походило на небольшой черный дворец, прильнувший к холму: черепичная крыша с загнутыми углами напоминала четырех ласточек, готовых взмыть в небо. Перед ними высились девять тяжелых бронзовых дверей, ведущих в зал прощания. Атмосфера была пропитана древностью и мраком, внушая невольный трепет, но в воздухе незримо вяло темной, призрачной аурой.

Сюй Тай поднял взгляд на окутанные туманом горы и увидел смутный силуэт человека. Необъяснимое чувство узнавания нахлынуло на него: старый знакомый, гость из далеких краев, с которым они расстались много лет назад. Десять лет? Двадцать? Или сотни? В дымке проступило лицо Мо Юя. Сюй Тай не испугался, напротив, незнакомец показался ему невероятно близким.

Сердце Сюй Тая сжалось от странной смеси чувств. Ему захотелось вернуть суп Мэн По и вернуться к мосту Найхэ, лишь бы вспомнить этого юношу, прекрасного, как яшма. Он не

понимал, что такое верность, но в глубине души, еще тогда, в детстве, совершил ошибку, за которую расплачивался снова и снова. Глаза его внезапно наполнились слезами, но стоило моргнуть — и видение исчезло, сменившись чужим лицом.

Он послушно пошел за матерью, держась за руку госпожи У, и вошел в двери бюро. Тело отправили на грим, а гости прошли в зал ожидания, где в ряд стояли пустые гробы для продажи. Сюй Тай, которого родители оберегали от всего дурного, никогда не видел гробов. Детское любопытство взяло верх, он засмотрелся, словно его душа начала проваливаться в пустоту. Вдруг кто-то толкнул его в спину, и он, словно притянутый магнитом, оказался внутри гроба.

Крышка захлопнулась сама собой. Как бы он ни колотил по дереву, ответа не было. Снаружи люди рыдали, каясь перед усопшим, но никто не желал услышать слабый крик живого?

— Помогите! Есть кто-нибудь!

Тишина. Он продолжал бить по доскам, дрыгая ногами и вопя:

— Спасите! Помогите!

Сработало! Он услышал хриплый голос мужчины и тонкий голосок маленькой девочки. Надежда вспыхнула вновь.

— Эй! Спасите! Выпустите меня!

— Учитель, люди говорят, что Рожденный с духовным корнем — это свирепый снежный леопард, как же он может быть ребенком? — спросила девочка.

— Снежный леопард — это древний зверь Мэнцзи, он лишь сосуд, источник силы. Мэнцзи вселился в этого ребенка, поэтому он и есть Рожденный с духовным корнем, — прохрипел старик.

— Раз нашли его, забирайте скорее.

— Не спеши. Он нам пока не нужен.

— Но зачем тогда ловить? У нас мало времени!

— Глупый! У меня на него свои планы. Я закидываю удочку на крупную рыбу!

— Рыбу?

— А вот и она...

— Отпусти его. — Раздался третий голос — холодный, мужской.

— О, неужели это Защитник Учения из Снежных земель, Господин Шанцин? Мое почтение. Как поживает Картина Трех Учений? Слышал, ты потерял ее вместе со вторым принцем Мира Мрака? И из-за тебя славный Король Злых Призраков Чэнь Си был лишен божественного статуса и изгнан в колесо реинкарнации. Верно ли это?

— Не твое дело. Отпусти его, иначе я сделаю так, что ты навсегда ляжешь в этот гроб.

— Я только этого и жду! Тебе ведь уже за двести, Шанцин, разве ты не устал от потерь? Мои любимые люди уходили один за другим, и я хотел последовать за ними, но, видишь ли, не могу умереть. Теперь шанс здесь — съесть сердце Рожденного с духовным корнем. Люди стремятся к жизни, но поняв, что смерть благороднее, я влачу жалкое существование, как паршивый пес! Ответь мне, Мо Юй, когда ты видел, как гибнет твой господин, когда гвардия вырезала Шесть Врат, ты хоть раз хотел умереть?

Мо Юй молчал, не опуская меча.

— Шанцин, когда люди хотели убить Рожденного с духовным корнем ради бессмертия, ты их не тронул. Почему же теперь, когда я просто хочу умереть, ты мешаешь? В чем я неправ?

— Ты неправ в том, что нарушил небесный закон, изучая Картину, и в том, что хочешь съесть Чэнь Си — брата Божественного Владыки Преисподней. А Чэнь Си — единственный, кого я обязан защищать.

— Защищать? Красиво сказано. Так почему страдает он, а не ты? Довольно! Если не съесть его, то ты обрекаешь меня на вечные муки. Давай заключим сделку.

— ...

— Все просто: скажи, где прячется тот старый негодяй Се Вэйчэнь, и я отпущу мальчишку. Хорошая сделка, правда?

— Сюй Хо, ты ищешь смерти.

— Не думай, что раз ты Защитник Учения, то тебе все позволено. Я старше тебя на восемь сотен лет, моя сила превосходит твою. Давай разойдемся миром — я не трону тебя, но ты отдашь мне кое-что взамен.

Мо Юй опустил меч:

— Что тебе нужно?

Сюй Хо указал на него:

— Сущий пустяк. Твое дыхание жизни.

— Только если ты пообещаешь больше никогда не трогать Рожденного с духовным корнем.

— Договорились.

Сюй Тай был на грани удушья. Мо Юй одним ударом расколол крышку гроба и увидел едва живого мальчика:

— Чэнь Си!

Сюй Тай был слишком слаб. Он с трудом открыл глаза и прошептал:

— Ты... кто ты...

Мо Юй промолчал. Он прокусил палец и позволил Сюй Таю пить свою кровь.

— Кормить его своей жизненной силой — это очень больно, — съязвил Сюй Хо, наблюдая за ними.

— Убирайся!

— Иду, иду. Эх, что же станет с этим существом, когда ты умрешь? — Сюй Хо со своим учеником удалился.

Очнувшись, Сюй Тай увидел рядом даоса. Тот собрался уходить, но мальчик позвал его:

— Подожди.

Даос не походил на тех шарлатанов, что дурачили людей. В его чертах сквозила холодная отстраненность, а в глазах — печать веков. Он был облачен в черное, на поясе — меч с надписью Цыгу и фиолетовый бубенец. Даос не обернулся. Сюй Тай, привыкший к тому, что все ему подчиняются, в гневе схватил его за полу одежды:

— Ты что, оглох?

— Хм, такой маленький, а такой дерзкий. Цзюнь Юй, Цзюнь Юй... Жизнь за жизнь — я вернул долг из прошлой жизни. Но сейчас ты еще слишком мал, время нашей встречи еще не настало. Боюсь, если мы сблизимся, я лишь наврежу тебе.

Вмиг фигура даоса рассеялась, словно ветер, оставив лишь звон бубенца.

— Эй, вернись! Почему я маленький? Сам ты... — Сюй Тая накрыло головокружением, он упал, пытаясь ухватиться за пустоту. — Подожди...

Когда он пришел в себя, мать обнимала его:

— Ты так напугал меня! Сдавил себе горло и упал в обморок. Хорошо, что проходил мимо даос, дал тебе выпить красного зелья, и ты успокоился.

— А тот человек? Он ушел? — Сюй Тай с трудом встал, вспоминая свой странный сон. Почему он назвал его Чэнь Си? И кто такой Цзюнь Юй?

Мать крепко держала его за руку, опасаясь новой беды. Они подошли к родственникам, которые шушукались:

— Бедный ребенок, такая ранняя смерть...

— Говорят, предки из клана Цзян предсказали, что кто-то принесет беду, и все указывало на Цзян Мэнци. Даже гроб приготовили для нее, а в итоге...

Сюй Тай ничего не понимал. Но сегодняшний день был полон странностей: призраки, загадочные люди... Отец учил не верить слухам. Он посмотрел в окно, где опадали цветы, и прошептал:

— В пору опавших цветов мы встретились вновь...

Странно все это. Словно он весь день видел призраков. Он не мог забыть юного даоса.

Я пою о шумном мире, ты — о заоблачных вершинах. Мы могли бы вместе выпить вина, но после трех чаш — десять лет разлуки. Встреча в этой жизни — как встреча с чужаком. Но сегодня я пою, и меч мой обнажен, чтобы защитить твой духовный корень. Кто знает, чье имя высечено на Камне Трех Жизней? Я знаю лишь одно — с этого дня в мире для меня нет больше родственной души.

— В пору опавших цветов мы встретились вновь... Прошу прощения, молодой господин, что заставил вас ждать...

<http://bllate.org/book/22324/2338160>